

Владимир Свержин

Образ гордой дамы

Владимир Свержин

Образ гордой дамы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9806999
Владимир Свержин Образ гордой дамы: авторское;*

Аннотация

Шестидесятые годы девятнадцатого века. В разгар американской гражданской войны президент Линкольн обращается к императору Александру II с просьбой о помощи в борьбе против флота южан. Однако царь отказывается... и это становится одним из шагов к поражению Севера. Но, возможно, присутствие в рядах северян бывшего русского офицера Ивана Турчанинова, а ныне генерала Джона Турчина, изменит то, что кажется неотвратимым?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Владимир Свержин

Образ гордой дамы

Эта война уже не шутка, если наши дамы не знают, как правильно надеть модную шляпку.
Ретт Батлер

Император страдал. Взгляд его голубых, чуть навывкате, глаз был устремлен на докладчика, на самом же деле он был погружен вглубь самого себя, туда, где истекала кровью страдающая душа венценосца.

От грозного отца своего он перенял манеру напускать величественно-бронзовый вид, занимаясь делами государства. По его мнению, так должно было выглядеть Лицо Империи. При дворе шептались, что в эти часы неподвижный лик государя более похож на раскрашенную маску и отнюдь не величествен, но такова уж была сила привычки.

Император страдал и бдительно следил, чтобы не дрогнул уголок губ, не опустились веки и, главное, не блеснула в уголке глаза слезинка.

Ему уже было за сорок, изрядно за сорок. Ей – двадцать с небольшим. При дворе ее величали Гранд Мадемуазель, и до недавнего времени она носила гордую, известную всякому русскому, фамилию Долгорукова. Уже несколько лет длился их роман, что само по себе было делом обычным для придворной жизни: красавица-фрейлина с тонким умом и мане-

рами, полными изящества, и увенчанный лаврами император – что могло быть понятней и естественней?

По традиции оставалось соблюсти лишь одну незначительную формальность – для отвода глаз выдать фрейлину замуж.

«Вот здесь-то я и оплошал! – явилась непрошенная мысль, приглушая слова утреннего доклада – Ее гордая и нежная душа и без того тяготилась ролью любовницы, а уж против фиктивного брака должно было восставать все ее существо. Да еще выбор... Господи, как он мог сделать такой выбор?! Дернула же нелегкая вытащить этого чертова повесу из долговой ямы, да еще преподнести ему такой, вот уж, верно, царский подарок. Глупец! Глупейший глупец! На что он надеялся?! Чего доброго, его Сашенька влюблена в собственного мужа!»

В беспорядочных мыслях Александра, надо признать, был свой резон. Худшей кандидатуры на роль мужа, чем генерал-майор свиты его величества Петр Альбединский, было, пожалуй, не сыскать – командир лейб-гвардии гусарского полка, в недавнем прошлом служивший военным атташе в Париже, он был отозван по личной просьбе Наполеона III за роман с императрицей Евгенией – статный красавец, балагур, кутила...

«Но ведь я же хотел как лучше, почему Сашенька не понимает столь очевидных условностей?! Нет, нет! Не может быть, чтобы она любила мужа! – терзаемый отчаянием мо-

нарх, сам того не желая, вспомнил жаркие объятия, нежный шепот... У него болезненно защемило сердце – Или все же может?!»

Государь был прозорлив. Александра Сергеевна не любила мужа. После навязанной ей свадьбы, новоиспеченная генеральша Альбединская просто желала досадить своей холодностью всевластному самодержцу, доказать, что над ее сердцем монарх не властен.

Нынче, когда Александр II пригласил ее на ужин, позабыв, будто бы случайно, позвать и ее мужа, между ними произошел разговор весьма неприятного свойства. Император все еще верил, что со временем гроза утихнет и все образуется, но подспудно знал, что не образуется, и теперь они расстались навсегда. Вернее, «остались друзьями», но, по сути, что это меняло? Он вспомнил, почти ощутил ладонями ее гибкий стан, нежную упругость груди, ласковые пальцы и стиснул зубы, чтобы не закусить губу.

... – Вот еще прошение о помиловании на высочайшее имя, Ваше Величество, – между тем продолжал докладчик.

– В чем там суть? – с усилием отгоняя от себя наваждение плотского греха, проговорил император.

– Да тут дело казусного свойства, – флигель-адъютант императора, капитан 1-го ранга Игнатьев пожал плечами, – о штанах, можно сказать.

Александр II удивленно поглядел на собеседника и бросил, уже не скрывая досаду:

– Что еще за нелепица?! Так они, поди, еще и о нижнем белье своем мне писать начнут!

– Здесь вот такая ситуация, – пустился в разъяснения каперанг. – Мануфактурщик Иван Аврамов и надворный советник Линьков Константин Михайлович, служивший в адмиралтействе по интендантству, учинили между собой преступный тайный сговор. Линьков так все гладко представлял, что паруса с кораблей Балтийского флота чуть, что не каждый месяц, как срок отслужившие, списывал, да за гроши этому самому Аврамову и продавал. А тот, шельмец, из них штаны наловчился шить да на те же корабли матросам за недорого продавать. Ну, а прибыль, ясное дело, эти лихоимцы между собой делили. Суд им за казнокрадство по пяти лет каторжных работ определил. Теперь они, стало быть, о милости и просят.

– Вот как? – император с облегчением нахмурился, ему, наконец, явилась видимая причина для негодования. – С чего бы это я стал миловать казнокрадов и пройдох?!

– Ну так, извольте снизойти, Ваше Величество, этот мануфактурщик Аврамов – продувная бестия, из выкрестов – пишет, что вина его умаляется тем, что те штаны, де, удобны и сносу не знают, куда лучше форменных, а потому морякам от них для службы прямая выгода.

– И что ж, сие правда?

– Истинная правда, Ваше Величество, – подтвердил Игнатьев. – Мануфактурщика этого до крещения Исааком Авра-

мовичем Леви звали. Так матросы штаны его прозвали «левисами». Ну, вроде как «паруса Леви». Шутники-с.

Император оглядел кабинет. Сейчас вся строгая роскошь апартаментов была ему отвратительна. За окнами Зимнего дворца, покрываясь тонким ноябрьским ледком, замирала Нева, унылой волчицей подывал холодный ветер, а ему нестерпимо хотелось в весну, в Царское Село, гулять по тенистым аллеям, обняв за талию его несравненную, наполненную жизненным огнем Сашеньку. Но, увы, дорога в прошлое заказана даже могущественным земным царям...

Император обмакнул перо в чернильницу и аккуратно вывел на листе выбеленной бумаги изящный вензель, двойное «А» – Александр и Александра. Вывел, хмуро поглядел на него, еще раз макнул перо и тщательно, чтобы никто не видел следов его слабости, зачеркнул монограмму. Долг государя требовал от него справедливости, и для личной боли здесь не было места.

– Надворному советнику Линькову срок каторги оставить без изменений, дабы наперед знал, как у державы воровать. Касательно же мануфактурщика, – Александр сделал паузу, – в словах его имеется резон. Если и впрямь «левиса» его столь хороши, пусть и далее их для флота шьет, но только с прибыли его стоимость парусов вычесть так, будто они были новехонькие, а затем еще и десять тысяч штрафа наложить, чтобы впредь жулить неповадно было.

– Так ведь выкрест же... – ошеломленный царским реше-

нием, напомнил капитан 1-го ранга.

– Мне все едино, – оборвал его император. – Мой подданный, стало быть, россиянин. – Александр II вновь потянулся пером к чернильнице и, поймав себя на мысли, что опять желает изобразить заветный вензель, резко одернул руку. – Еще что-то? – он поглядел на Игнатьева, стоявшего в трех шагах от ампирного стола с закрытой сафьяновой папкой. Он казался ему свидетелем этого маленького преступления перед имперским величием, свидетелем его невольной слабости.

– Нет, ваше величество.

– Так чего же вы ждете, любезнейший?

Флигель-адъютант почти жалобно поглядел на государя, подсознательно чувствуя его настроение и вместе с тем вынужденный повторять то, о чем подробнейшим образом докладывал всего минут десять назад.

– Жду ваших распоряжений относительно проекта адмирала Краббе. – «Я уже имел честь докладывать Вашему Величеству», – хотел, было сказать он, но, проглотив начало фразы, продолжил, как ни в чем не бывало. – Канцлер Горчаков передал на ваше рассмотрение проект адмирала Краббе. В ответ на слезную просьбу президента Северо-Американских Соединенных Штатов, Авраама Линкольна, тот предусматривает отправить крейсерские эскадры контр-адмиралов Попова и Лесовского к Тихоокеанскому и, соответственно, Атлантическому побережью Америки для пресече-

ния морского подвоза, организованного англичанами с целью поддержки мятежников-южан. Горчаков пишет, – напомнил флигель-адъютант, – что позиция, занятая Англией в польском вопросе, диктует необходимость эффективных и незамедлительных мер противодействия, одной из коих может стать поддержка господина Линкольна.

«Авраам Линкольн, – про себя повторил Александр II. В самом этом имени ему слышалось что-то неприятное. – Авраам Линкольн, тьфу-ты, напасть – Аврамов и Линьков!»

– И что же? – раздраженно поинтересовался император. – Сей президент, и впрямь, слезно просит?

– Ваше величество, Южные штаты торгуют хлопком, табаком, маисом и прочими дарами природы, однако же почти не имеют своего производства. Южане весьма богаты, слышат аристократами Америки, и англичане с немалой выгодой для себя продают им оружие, боеприпасы и военное снаряжение. Если бы не эти поставки, восстание конфедератов, как именуют себя южане, закончилось бы, едва начавшись.

В своей просьбе на высочайшее имя, Ваше Величество, господин Линкольн пишет, что, следуя Вашему примеру, он желал бы сделать свободными негров в своей стране, как и вы – российских крестьян.

Александр II заметно нахмурился. «Авраам Линкольн – Аврамов и Линьков», – рифмовалось у него в голове. – Этот северо-американский выскочка, быть может, и не глуп, но уж точно бестактен.

Конечно, невесть, откуда возникшее желание заморского президента следовать русскому царю в деле освобождения подданных – топорная лесть. Но сравнивать русских крестьян с какими-то дикими африканцами – ну, уж это слишком! Его народ от дедов и прадедов наследовал такой строй, и помещик, когда он не лютей зверь, а людям своим – истинный хозяин, им не только барин, но и отец родной! Негоже их с туземцами ровнять! Коли пришел срок сие положение отменить, то потому что времена изменились...»

Флигель-адъютант смотрел на императора в ожидании ответа, но тот не торопился. Его помыслам не хотелось возвращаться к президенту Аврааму Линкольну, который неким чудодейственным образом слился в его сознании с парочкой отменных прохвостов, и оттого был еще более неприятен. Мысли государя все так же уносились в аллеи Царского Села. Александр II вспоминал, как впервые сжал юную фрейлину в своих объятиях, и та прильнула к его широкой груди, дрожа всем телом.

Это было на берегу пруда. Где-то далеко гроыхала Крымская война, а он шел и рассказывал юной спутнице о Чесменской битве, в ознаменование которой посреди царскосельских вод красовалась величественная, украшенная рострами¹ мраморная колонна. «Все это осталось в про-

¹ Рострами назывались носовые части кораблей. По античному обычаю рострами захваченных кораблей украшались колонны, воздвигаемые в честь морских побед.

шлом, и продолжения не будет!» Император поднял глаза на флигель-адъютанта, немо ждущего его слов.

– Некогда Георг III, король Англии, прислал прабабке моей, Екатерине Великой, письмо, умоляя послать 20–30 тысяч казаков для подавления мятежа в его американских владениях. Екатерина отказала ему и, более того, велела российским кораблям всяким способом прорывать морскую блокаду, которую британцы вознамерились устроить своим мятежным колонистам. Много ли проку было России от этой помощи северным американцам?

Игнатъев замялся.

– Не припомню, ваше величество.

– Вот и я не припомню. – Император несколько раз сложил исчерканный лист бумаги, встал из-за стола, подошел к канделябру и поднес безгласное свидетельство своего душевного смятения к вздернутому сквозняком пламени свечи. Бумага быстро обуглилась и вспыхнула. Подождав, пока она почти догорит, император бросил доедаемый огнем листок в бронзовую пепельницу и скрестил руки на груди, немедленно становясь похожим на собственный портрет, глядевший на посетителей в тысячах кабинетов тысяч присутственных мест.

– Проект адмирала Краббе оставить без ответа, – наконец принимая окончательное решение, отчеканил государь Всея Руси. – Горчакову же передать, чтобы разговоров о том, что будто мы и впрямь флот к американским берегам наме-

рены послать, в столичных кабинетах было как можно больше, дабы в английском посольстве сие узнали всенепременнейше, и из многих, не связанных между собою мест. Коли нам Британия во внутренние дела мешается, так с Британией, стало быть, пикироваться и следует. Как говорили древние: «Угроза нападения зачастую куда страшнее самого нападения». До Америки ж нам дела нет, пусть Горчаков от моего имени отпишет господину Линькову – что за напасть?! – Линкольну, что я всецело приветствую его устремление дать свободу угнетенным жителям его страны, но корабли прислать не могу – с парусами нынче затруднения.

Гул орудий напоминал рев целого прайда взбешенных львов. В этот звук вмешивалась скороговорка картечных систем Гатлинга и сухой треск ружейной стрельбы, будто кто-то ломал хворост, вязанку за вязанкой. С недавних пор до штаба обороны северян стало доноситься ржание лошадей и крики раненых и умирающих. Президент нервно теребил бороду. Еще позавчера победа, казалось, осеняла крылами их знамена. Генерал южан-конфедератов, Уолтер Файда, угрожавший оружейной столице северян, Питсбургу, был остановлен.

Этот богемец, сменивший на посту командующего армией генерала Джексона, носил среди солдат прозвище не столь красивое, как убитый полководец, но также говорившее о многом. Его не называли генерал – Каменная Стена, именуя

попросту Упрямец Уолли.

Как оказалось, именно такой упрямец и нужен был сидевшему в Ричмонде самозванному президенту Дэвису. Кто другой из его воинственных плантаторов, увидев перед самым носом армию самого Улисса Гранта, не отступил бы, а принялся кружить вокруг Питсбурга, выискивая место для удара и заставляя командуемого северян, не зная устали, следовать за ним, пытаясь навязать бой!

И все же в Вашингтоне казалось, еще вот-вот, и Упрямец Уолли будет зажат и расплюснут между наковальней Питсбурга и молотом армии Гранта. Но вчера подобные иллюзии развеялись, точь-в-точь, как исчезает ощущение чуда, когда узнаешь секрет фокуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.